

Лексические иллюстрации к русской колонизации Сибири

Основополагающие труды Ю. Янхунена по евразийской лингво- и этно-исторической проблематике содержат и разработки, касающиеся русского языка. Так, он убедительно демонстрирует (Janhunen 1985) роль русско-самодийских и русско-тунгусских контактов в наименовании ряда этнических групп восточной Сибири. Продвигаясь на восток, русские вступали в контакты с разными народами и получали от них сведения о соседях, располагавшихся восточнее. Так, этноним *тунгус* был усвоен ими от самодийцев, *якут* – от эвенков и т. д.

Указанная работа Ю. Янхунена по своей значимости, тематике и научным особенностям близка к поздней публикации М. Фасмера о языковых отражениях русской колонизации северо-восточной Евразии (Vasmer 1960) и некоторым статьям Е.А. Хелимского (2000: 351–352; Хелимский 2002), где он обобщил свои и других исследователей соображения о соотношенности трех основных путей русских в Сибирь с тремя наименованиями русских в ряде языков северо-восточной Евразии. Уместно напомнить, что имеются в виду следующие основные пути: 1) Мангазейский морской ход из Поморья к Ямалу, Тазовской губе, низовьям Енисея и на Таймыр; 2) «Чрезкаменный» по суше из Северной Руси в Югорскую землю; 3) открывшийся после похода Ермака путь из Прикамья через прилегающие области Урала в Южную Сибирь.

Цель предлагаемой статьи (суммирующей некоторые данные предшествующих публикаций автора, в особенности ЭС 2000; ЭСРЗ 2003) – еще раз обратить внимание на то, что с разными путями русских в Сибирь могут быть соотношены (как своего рода лексические маркеры) не только названия русских, но и некоторые другие слова, включая апеллятивы. Какие-то лексические характеристики можно установить, по-видимому, и для путей, использовавшихся русскими для проникновения в Восточную Сибирь.

В связи с Мангазейским морским ходом могут быть указаны, в частности, следующие хорошо известные примеры: этноним *тунгусы* – из нент *tungos*² мн. ч. (Ю. Янхунен, Е.А. Хелимский, см. ЭС 2000: 566); гидроним *Енисей* – из древненецкого *Енэсий* (в конечном счете из тунг. **Jendesī*, см. Хелимский 2000: 352; Аникин & Хелимский 2007: 47–48); *Мангазея*, назва-

ние старосибирского города на р. Таз – от ненецкого этнонима *Моҥканзи* (ЭС 2000: 373–374).

Из менее известных случаев показательно засвидетельствованное на Турухане и Тазе (до недавнего времени) рус. *согудать*, *сугудать*, *сагудать* ‘поедать только что пойманную рыбу’ < энецк. (указано Е.А. Хелимским) **sagida-* < **saguda-* ‘поедать сырое (мясо, рыбу)’. Долг. *hogudāj*, *hoḡudāj* ‘свежая рыба, пойманная летом и поедаемая сырой’ (Stachowski 1993: 106) предполагает рус. (императив) *согудай* и указывает, что *согудать* было известно и русской речи на Таймыре. Цепочка заимствований «энецк. > рус. > долг.» оказывается одним из эпизодов диффузии энецкой лексемы, которая проникла также в говоры илимпийских эвенков и анабарских якутов: эвенк. *акута-* ‘есть сырое мясо’, якут. *sabadāj* (с развитием *g > b* и эффектом якутского аканья) = долг. *hogudāj* (ЭСРЗ 2003: 557–558; Аникин & Хелимский 2007: 152). В долганском слове может усматриваться свидетельство диффузии (XVII в. и ранее) рус. *согудать* из низовьев Енисея на Таймыр, которую естественно связывать с реальным продвижением поморов по Мангазейскому морскому ходу.

Известное на севере Красноярского края рус. *сокуй* ‘доха с капюшоном’ происходит (сообщение Е.А. Хелимского) из северносамодийского источника, родственного энецк. *sokuote* ‘сокуй’ (ЭС 2000: 502). Сельк. (Таз) *soqqu* < нен. (Alatalo 2004: 369, № 2602). Зафиксированное еще в XVIII в. у туруханских самоедов название зимней одежды *Sokui* («закрывает... голову, как юкагирские куклянки», см. Миллер 2006: 353) можно расценить как заимствование из русского, как и долг. *hokuj*, *sokuj*, якут. диал. *sukuj*, эвенк. *хокуј*, *һэкуј* (Stachowski 1993: 107; ЭСРЗ 2003: 558).

Ауслут слова *сокуй* оформлен так же, как у еще одного старого заимствования в русский из самодийских языков – *одекуй* ‘бусы, бисер’ (в сибирских документах XVII–XVIII вв.), которое было усвоено, как видно по отсутствию рефлекса анлаутного *η-*, из крайнезападных говоров ненецкого на ранней стадии севернорусско-ненецких контактов; ср. ненТ *нодяко* ‘ягодка’, ‘бисерина’ (ЭС 2000: 417–418).

Этноним *тунгусы* первоначально (примерно во второй половине XVI в., если не ранее) был известен у русских между Тазовской губой и низовьями Енисея, а широкое распространение получил уже в XVII в. Иной оказалась судьба этнонима *ляки* мн. ч. ‘самоеды на Турухане и Баихе’ (ЭС 2000: 362). Единственное число может быть и **ляка* (что вероятнее) и **ляк*. Это слово, в отличие от слова *тунгус*, осталось малоизвестным локализмом. Происходит, видимо, из сельк. (Таз) *laqqa* ‘товарищ’, что географически предпочтительнее, нежели выведение из кет. *laʔk*, югск. *lʔk* ‘селькуп’. Связь кетского слова с селькупским отмечалась не раз (Alatalo 2004: 402, № 2901; Поляков 1987: 91). В.А. Гусев (письменное сообщение) обратил внимание на параллель: самоназвание нганасан *ḡaa* – очевидно, от *ḡa* ‘товарищ’.

Довольно четким лексическим индикатором Мангазейского морского хода является рус. *коч, коча* ‘судно, на котором плавали по Печоре, в Обскую (и Тазовскую) губу для торговли с Мангазеей’, (Холмогоры, запись Р.Джемса, 1618–1619 гг.) *koche* = *коч* ‘небольшой корабль, на котором... ходят из Архангельска в Мангазею через многие озера и реки, причем, местами... волокут его по земле’ (без надежной этимологии, см. Ларин 1959: 146; ЭС 2000: 307). Мангазейский морской ход был известен поморам задолго до распространения (с XVI в.) кочей как типа судов, относительно приспособленных для арктического мореплавания (Хелимский 2000: 351). Еще одним примером может служить, видимо, рус. (Северо-Запад) *сойма* ‘одномачтовое судно с палубой’, (В. Персглоу, 1611 г.) *soymas* (с английским показателем мн. ч. -s) ‘суда, на которых пустозерцы плавали в Мангазею’ < п.-фин., ср. фин. *saima* ‘вид парусника’ (ЭС 2000: 501).

Ко второму пути в Сибирь «привязаны», в частности (из общеизвестных примеров):

этноним и топоним *Югра* – ср. комиЗ *йöгра* ‘вогул, остяк’ (Katz & Koch 1987: 98–102; ЭС 2000: 715; иначе о Югре см. Напольских 2009); гидроним *Обь*, топоним *Обдора* (встречается в новгородской берестяной грамоте XIV века, см. Зализняк 2004: 640) – ср. комиЗ *об* ‘снежный занос, завал’, топоним *Обдор* ‘Ob-Gegend’ (Steinitz 1960: 483; ЭС 2000: 416); топоним *Березов город* – калька с хант. *Сугмут-Ваи*, манс. *Халь-Уи* (Г.Ф. Миллер), ср. и ненТ *Хо харад* (Матвеев 1987: 30). Из апеллятивных данных можно указать хотя бы рус. (сиб.) *алак* ‘лямка в собачьей или оленьей упряжке’, хантыйского происхождения (В. Штейниц, см. ЭС 2000: 80).

С обоими северными путями в Сибирь соотнесен, по видимому, топоним *Камень* как название Урала, испытавшее влияние таких названий этого хребта, как коми *Из* (= ‘камень’), ненТ *Пэ*” (*Хабэй*” *Пэ*” ‘Урал’ = ‘остяцкие камни’), хант. *Кев* (= ‘камень’), манс. *Нёр* (= ‘камень’) (Матвеев 1990: 10; ЭС 2000: 247–249).

В связи с южным путем могут быть упомянуты кроме прочего топонимы *Сибирь* < татЗС *Sibir* и *Тюмень* < монг., тюрк. *tümen* ‘тысяча, множество’ (Откупщиков 1968), этноним *остяк* < тюрк. **istäk* (Steinitz 1980: 287–288; ЭС 2000: 431, 493–494, 576). Сюда относится, видимо, и современное название Уральских гор. На тюркское происхождение слова *Урал* указывают конечное ударение, название водораздельного хребта *Уралтау* (XVIII в.) и зафиксированные в «Книге Большому Чертежу» (XVII в.) оронимы *Арал(ь)това* или *Орал(ь)това гора* (Матвеев 1987: 178), где *-тов*-правдоподобно истолковано как передача тюрк. *tau* ‘гора’ (О.Н. Трубачев, см. ЭС 2000: 586–587).

С начала XVII в. основной путь русских на Енисей и Лену пролегал через Маковский острог на р. Кеть, через этническую территорию селькупов, с чем связано то обстоятельство, что некоторые ранние русские заимствования (*лекарство, свинья*) попали в эвенкийский, видимо, через

селькупское посредство (Аникин & Хелимский 2007: 27, 184–185). В данном контексте следует, видимо, рассматривать и следующие факты.

Долг. *pāmit* (-ī), якут. (Оленек) *māmut* ‘ключица (птицы)’ (ДСЯЯ 1968: 196; ДСЯС 1995: 118) было объяснено А.В. Дыбо как заимствование из рус. *па́мьть* в устарелом значении ‘ключица (дужка) птицы’, которое обусловлено игрой (пари) в «память», включавшей переламывание птичьей ключицы: кто на другой день вспомнит об этом переламывании первым. Нетрудно понять значение еще одного русизима: якут. (на юге) *tāmūt* ‘игра в «память»’ (ДСЯС 1995: 118).

Значения ‘ключица птицы’, ‘игра в «память»’, видимо, возникли в русском под тюркским влиянием и находят семантические аналогии в тат. *ядәш сөяге* ‘дужка, ключица’, башк. *сәтәш* ‘то же’, ‘игра в переламывание птичьей ключицы’, тур. *yades, lādes* ‘пари’ < перс. *yādāst*, буквально ‘я вспомнил’, ‘игра в ломание дужки’ (Дыбо 1996: 142–143).

Еще одну деталь в истории данного слова дает сельк. (Кеть) *pāmāt* ‘ключица’, ср. кет. (Доннер) *pāmāt* (Alatalo 2004: 63, № 402). В этих словах также распознается рус. *па́мьть* или *па́мьть* с севернорусским переходом *a* в *e* между мягкими согласными. Судя по конечному селькупскому *-m*, которое не может быть регулярной субституцией конечного *-mь = -m’* в русском слове, при заимствовании из русского в селькупский следует предполагать некий язык-посредник, каковым мог быть эвенкийский, что *mutatis mutandis* сходно со случаем упомянутых рус. *лекарство, свинья*.

Допустимо не засвидетельствованное эвенкийское слово типа **пāмет* ‘ключица (птицы)’ (ЭСРЗ: 2003: 432–433). В то же время, заимствования из русского в языки Сибири позволяют думать, что рус. *па́мьть* (-еть) ‘ключица; игра в разламывание ключицы (в «память»)» в свое время было известно не только в вятских говорах (СРНГ 1990: 191), но и в Сибири: на р. Кеть, на Таймыре и в Якутии (ДСЯЯ 1968: 196; ДСЯС 1995: 118). Словари по русской сибирской лексике таких сведений не содержат. Но засвидетельствован глагол (вят., сиб.) *па́мьтоваться* ‘держат пари, закрепляя договор разламыванием куриной грудной косточки’, ‘ломать дужку птицы вдвоем, в роде заклада, кто в другой день об этом вспомнит’ (СРНГ 1990: 188). Якут. (Виллюй) *таамутыjdаһуу* ‘игра в «память»’ (ДСЯС: 118) содержит сегмент *таамутыj-* (-*даһуу* именной суффикс) < рус. *па́мьтуй* (императив).

Для обсуждения возможных лексических комментариев к раннему проникновению русских в глубь Восточной Сибири существенно, что мангазейские промышленники поднимались и вверх по Енисею. Они дали названия Нижней и Подкаменной Тунгускам (правым притокам Енисея) и Енисейску, а, возможно, и реке *Лёна* гесп. *Ленскому острогу* (предшественник Якутска). Название Лены обычно объясняют, опираясь на данные сибирских языков. Может быть не случайной, однако, близость гидронима *Лёна* и старорусского адъектива *лена(я) = лѣна(я) (река)* ‘медлительная’ (ср. праслав. **lěнь(jь)* в ЭССЯ 1987: 210). Субстантивированный адъек-

тив *лёна(я)* для гидронима *Лёна* в качестве этимона не слишком подходит (у Лены мощное течение), но мог быть использован первопроходцами по контрасту с более стремительными реками, которые встречались им в Восточной Сибири. Следует считаться с возможностью того, что гидроним был перенесен в Сибирь с каких-то территорий на западе (к западу от Урала).

Русские данные, по-видимому, могут быть использованы для моделирования «дорусских» языковых отношений в Сибири, в частности, возможных древних связей между Восточной и Западной Сибирью (селькупский и др. самодийские языки), с одной стороны, и Дальним Востоком (южные тунгусо-маньчжуры, нивхи), с другой. Речь идет, в частности, о соображениях Е.А. Хелимского (2000: 281; Аникин & Хелимский 2007: 23–24) относительно наличия самодийских элементов в лексиконе южных тунгусо-маньчжуров (не говоря о тунгусах) и диффузии самодийской лексики с запада на восток, что внешне совпадает с основным вектором распространения лексики в процессе русской колонизации северо-восточной Евразии. В данной связи обращают на себя внимание случаи проникновения русских диалектизмов с Камчатки в бассейн Колымы (иногда и Индигирки) в противоход общему направлению. Два примера.

Рус. (Колыма) *жупан (супан)* ‘название человека измененного пола (мужчины, считающего себя женщиной, исполняющего женские работы и носящего женскую одежду)’ (Богораз 1939: 134) – то же слово, что рус. (Камчатка) *жупаны* мн. ч. «мужики, женскую должность отправляющие» XVIII в. (Крашенинников 1949: 695) от *жупан* ‘другой (не через дымоход) выход из юрты’ (СРКН 1977: 60). «Превращенный» мужчина получил свое название по «женскому» выходу из жилья. Оно происходит из ительменского источника типа *shoponah* ‘название входной двери зимней хижины камчадалов (вход для женщин и мужчин, считавших себя женщинами; мужчины пользовались входом через крышу)’ (Богораз 1939: 134; ЭС 2000: 207). По разъяснению Г.Ф. Миллера: «На Камчатке имеются также лица мужского пола, которые, вопреки природе, разрешают использовать себя для разврата с задней позиции. Их называют на языке этой страны *Tschupanaми*. Но их ненавидит вся мужская часть населения и все с ними неохотно общаются. Они живут среди женщин, выполняют все женские работы и одеваются по-женски» XVIII в. (Миллер 2009: 151).

Рус. (Колыма) *áут* ‘каменное или железное острие, вставленное в середину палки, для очистки мездры у сырых шкур’ = (Камчатка) *áут* ‘то же’ (СРНГ 1966: 293) – из ительм. *awút* или коряк. *av’yt* ‘кремневый скребок’ (ЭС 2000: 102). Наличие слова в русско-колымских говорах может быть понято как следствие его диффузии с Камчатки. Менее вероятно заимствование в колымские говоры из утраченного чукотского рефлекса прачук.-кор. **awt(a)* (Мудрак 2000), в чукотском для скребка иное название. Уже из русского слово попало в якут. (Колыма) *ābyt*, эвен. (Омолон) *āут* (ЭСРЗ 2003: 74–75).

В духе подобных примеров (см. еще ЭС 2000, s. vv. *унаван*, *хонбы*, *чаут*), выпадающих из основного вектора распространения русской сибирской лексики, как будто можно понять, скажем, выявленную А.М. Певновым связь между эвенк. *лонзэма* ‘серп луны’ и нивх. *лоһлэми* ‘полумесяц’ (< *лоһ* ‘луна’ + *лэми* ‘половина’), которую он сам (Певнов 1994: 132) интерпретирует как результат проникновения лексики из низовьев Амура в бассейн Подкаменной Тунгуски, в конечном счете и как аргумент в пользу приамурского локуса прародины тунгусо-маньчжуров (Певнов 2008; ср. маньчжурский локус в Janhunen 1996). То же касается и некоторых других фактов, – ср. нан. *qori* и т.п. ‘сруб-амбар для провизии’ при сельк. (Таз) *korym* ‘лабаз’ (Певнов & Урманчиева 2008/2009: 543–544; Аникин & Хелимский 2007: 158). С позиций приамурской концепции прародины тунгусо-маньчжуров подобные примеры совпадают с общим направлением диффузии лексики (с востока на запад), выделяясь лишь большей доказательностью. С позиций же прибайкальской концепции (Хелимский 2000: 279; Аникин & Хелимский 2007: 18–20), эти примеры выглядят как исключения наподобие указанных выше рус. диал. *жупан*, *áут*.

Сокращения

башк.	башкирский	сиб.	сибирский
долг.	долганский	тат.	татарский
енис.	праениесейский	татЗС	западно-сибирско- татарский
ительм.	ительменский		
кет.	кетский	тунг.	тунгусский
комиЗ	коми-зырянский	тур.	турецкий
коряк.	корякский	тюрк.	тюркский
манс.	мансийский	фин.	финский
монг.	монгольский	хант.	хантыйский
нан.	нанайский	чук.	чукотский
нен.	ненецкий	эвен.	эвенский
ненТ	тундренный ненецкий	эвенк.	эвенкийский
		энецк.	энецкий
нивх.	нивхский	югск.	югский
перс.	персидский	якут.	якутский
праслав.	праславянский	в.	век
прачук.-кор.	прачукотско- корякский	г.	год
		гг.	годы
п.-фин.	прибалтийско- финский	диал.	диалектный
		мн. ч.	множественное
рус.	русский		число.
сельк.	селькупский		

Литература

- Аникин & Хелимский 2007 = А.Е. Аникин, Е.А. Хелимский. *Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи*. Москва: Языки славянской культуры.
- Богораз, Владимир Г. 1939: *Чукчи. Религия*. Т. 2. Ленинград.
- ДСЯС 1995 = М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. *Диалектологический словарь языка саха. Дополнительный том*. Новосибирск: Наука.
- ДСЯЯ 1968 – П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. *Диалектологический словарь якутского языка*. Москва: Наука.
- Дыбо, Анна В. 1966: *Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (Плечевой пояс)*. Москва: Языки русской культуры.
- Зализняк, Андрей А. 2004: *Древненовгородский диалект*. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003. Москва: Языки славянской культуры.
- Крашенинников, Степан П. 1949: *Описание земли Камчатки*. 9-е изд. Москва, Ленинград: Главсевморпуть.
- Ларин, Борис А. 1959: *Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.)*. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета.
- Матвеев, Александр К. 1987: *Географические названия Урала. Краткий топонимический словарь*. 2-е изд., перераб. и доп. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во.
- 1990: *Вершины Каменного Пояса. Названия гор Урала*. 2-е изд., перераб. и доп. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во.
- Миллер, Герард Фридрих 2009: *Описание сибирских народов*. Изд. подготовили А.Х. Элерт, В. Хинцше. Москва: Памятники исторической мысли.
- 2006: *Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г.Ф. Миллера*. Перевод, предисловие и коммент. А.Х. Элерта. Екатеринбург: Волот.
- Мудрак, Олег А. 2000: *Этимологический словарь чукотско-камчатских языков*. Москва: Языки русской культуры.
- Напольских, Владимир В. 2009: «Угро-самодийцы» в Восточной Европе и проблема летописной югры // *Вопросы уралистики* 2009. Спб., 2009. С. 7–61.
- Откупщиков, Юрий В. 1968: О топониме Тюмень. – *Этимологические исследования по русскому языку*. Вып. 6. Москва: Изд-во Московского университета: 135–138.
- Певнов, Александр М. 1994: Рефлексы вибранта в негидальском на фоне родственных ему языков. – *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 85: 125–147.

- 2008: Лингвистические пути решения тунгусо-маньчжурской проблемы. – *Вопросы языкознания* 5: 63–83.
- Певнов & Урманчиева 2008/2009 = А.М. Певнов, А.Ю. Урманчиева. Неординарная изополисемия в некоторых языках северной Азии – Valentin Yu. Gusev, Anna Widmer (Hrsg): *Gedenkschrift für Eugen A. Helimski*. Finnisch-Ugrische Mitteilungen 32/33: 519–566.
- Поляков, Вадим А. 1987: *Способы лексической номинации в енисейских языках*. Новосибирск: Наука.
- СРКН 1977 = К.М. Браславец, Л.В. Шатунова. *Словарь русского камчатского наречия*. Хабаровск: Изд-во Хабаровского педагогического института.
- СРНГ 1966, 1990 = *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1, 25. Москва – Ленинград: Наука.
- Хелимский, Евгений А. 2000: *Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи*. Москва: Языки русской культуры.
- 2002: Трансевразийские аспекты русской этимологии. – *Русский язык в научном освещении*. 2 (4): 75–90.
- ЭС 2000 = Аникин Александр Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеазиатских языков*. 2-е изд. Москва – Новосибирск: Наука.
- ЭСРЗ 2003 = Аникин Александр Е. *Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири*. Новосибирск: Наука.
- ЭССЯ 1987 = *Этимологический словарь славянских языков*. Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 14. Москва: Наука.
- Alatalo, Jarmo 2004 = *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo*. Zusammengestellt und hrsg. von Jarmo Alatalo. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. Helsinki: Société Finno-Ougrienne.
- Janhunen, Juha 1985: The Tungus peoples and the conquest of Siberia. – *Altaistic studies. Papers at the 25th meeting of the Permanent International Altaistic Conference at Uppsala*. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, Konferenser 12. Stockholm: 73–77.
- 1996: *Manchuria. An ethnic History*. Helsinki: The Finno-Ugrian Society.
- Katz & Koch 1987: H. Katz, Ch. Koch. (J)ugra. Zur ursprünglichen Gestalt des Ugriernamens. – *Ural-Altäische Jahrbücher. Neue Folge* 7.
- Stachowski, Marek 1993: *Dolganisches Wörterbuch*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.
- Steinitz, Wolfgang 1960: Ostjakische Lehnwörter im Russischen. – *Zeitschrift für Slawistik*. 5 (4): 483–493.
- 1980: *Ostjakologische Arbeiten*. Bd. IV. Berlin: Akademie-Verlag.
- Vasmer, Max 1960: Die russische Kolonisation im Spiegel der Sprache. – G. Rohlfs (Hrsg.): *VI. Internationaler Kongreß für Namenforschung*. Bd. I. München: C.H. Beck: 80–93.